

*М.М. Юсупов**

ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КОНФЛИКТНОМ РЕГИОНЕ

В статье на примере Чечни рассматриваются особенности проявления этнической и социальной идентичности. Выделяются ее основные признаки, раскрывается соотношение этнической и религиозной, этнокультурной и социальной идентичности. Дается сравнительный анализ социологических показателей социальной самоидентификации чеченцев и русских в 1991 и 2003 гг., в предконфликтной и в конфликтной ситуации, делается вывод об историко-культурной и социальной обусловленности, изменчивости этнической идентичности.

Трансформационные процессы в российском обществе и многолетняя нестабильность на юге страны актуализируют изучение этнической и социальной идентификации в условиях конфликта. В статье использованы данные социологических исследований, проведенных в предконфликтной и в конфликтной ситуации в Чечне в 1991 и 2003 годах. Социологические наблюдения показывают, что идентичность многомерна. Она обусловлена включенностью человека в различные общности и группы. Осознание индивидом своей идентичности зависит от его внутреннего мира, ценностных установок, характера социальных связей и конкретных ситуативных обстоятельств. В чеченском общественном сознании национальная (этническая) общность характеризуется в первую очередь такими признаками, как традиция и обычаи, язык, религия, реже называют территорию, самосознание, наличие государственности (республики). Вместе с тем национальную (этническую) принадлежность человека определяют по религиозному признаку – 8,6% опрошенных респондентов, по языку – 0,2%, по крови (по отцу) – 36,8%, самосознанию – 22,5%¹.

Этническая и религиозная идентичности органически взаимосвязаны, но этнокультурная идентичность является доминирующей. В жизни те или иные религиозные догмы, течения отвергаются, если они не соответствуют этническим нормам и ценностям, кавказской культуре и образу жизни. Этнокультурная идентичность привносит своеобразие в социальную идентификацию. В не-

* © Юсупов М.М., 2006

Юсупов Муса Мовлиевич – кафедра социологии Чеченского государственного университета

давнем прошлом положение человека в чеченском обществе определялось, прежде всего, не социальной, а культурной стратификацией, соответствием или несоответствием личности требованиям норм культуры, существующей модели образа жизни. Другими словами, человек воспринимался через призму его соответствия трем основным параметрам: нормам этической культуры – нравственной культуры – деловой активности. При этом деловитость понимают не столько как личное экономическое преуспевание, сколько как готовность откликаться на проблемы других людей, народа и страны. В повседневной жизни «этническая идентичность очень редко бывает доминирующей» [1. С.43].

В мае-июне 1991 года идентифицировали себя с товарищами по работе, т.е. членами трудового коллектива, русские – 65,2%, чеченцы – 46,2%. Во вторую и третью очередь русские – с людьми своего поколения – 35,4% и людьми своей профессии – 34,3%, чеченцы – с людьми своей национальности – 37,4% и людьми своей профессии – 25,6%.

При этом русские отождествляли себя с людьми своей национальности – 16,6%, а чеченцы с людьми своего тайпа – 20,9%. В целом здесь просматривается особенность социальной идентификации в советскую эпоху, которой была присуща «размытость» социальных интересов. Это подтверждают и такие данные: осознавали свою близость с людьми одного «социально-классового» статуса (рабочий, крестьянин, интеллигент) чеченцы и русские соответственно 23,5 и 24,7%, с людьми одинакового уровня жизни – 18,9 и 22%².

При обострении межэтнических или национально-политических противоречий актуализируется прошлое. Участники конфликта выстраивают историческую линию, восходящую к древней религии, древнему народу, древней государственности [2. С.16-30]. Подобным образом стремились воссоздать историю идеологи суверенитета Чечни, идентифицируя чеченцев с шумеро-хурритским народом и урартской государственностью [3. С.460].

Межэтнические групповые противоречия могут вызвать у представителей определенной этнической группы чувства жертвенности, восприятия своей этнической общности как народа-жертвы [4. С.215-216]. Такие эмоциональные переживания особенно сильно проявляются у репрессированных народов. В этом смысле депортированные народы – чеченцы, карачаевцы, калмыки и другие – сознают общность своей трагической судьбы и идентифицируют себя с народом-жертвой.

В период политических перемен изменяется социальное самоощущение национально-этнических групп. Смена партийно-советской власти и утверждение новой администрации в Чечне произошли выдвиганием национальных лозунгов, определением курса на суверенизацию республики. Это отразилось непосредственно на общественно-психологическом самочувствии представителей различных этнических групп. Русские, например, в беседах подчеркива-

ли, что теперь ощущают свою второсортность. Чеченцы, напротив, отмечали, что были второсортными в своей республике в советские годы.

Причем «стороны» в защиту своих интересов в настоящем обращались в прошлое со своей интерпретацией истории. Так, русские полагали, что они осваивали недра, создавали промышленность, строили города и имеют право на соответствующее положение в общественной жизни. Чеченцы указывали на свою социальную ущемленность. На их взгляд, доходы от добываемой нефти распределялись в пользу «центра» и частично Грозного и не обеспечивали развитие всей территории, социально-трудовую занятость сельского населения. Как видим, изменения этнического представительства в политической иерархии вызывают у одних опасения неизбежности переструктурирования социальной иерархии и потребность в таких переменах у других.

Конфликт в Чечне оказал разрушительное воздействие на социальное пространство, способствовал разрыву социальных связей, деформации социально-профессиональной структуры. Значительная часть населения находится в состоянии «рассеянности», вне трудовых коллективов, ее потребность в формах социальной самоорганизации компенсируется увеличением по сравнению с 1991 годом испытывающих, например среди опрошенных грозненских чеченцев, наибольшую близость с людьми своего поколения (48,8%), своей национальности (48,2%), своей религии (31,8%), своего тайпа (28,2%)³.

Причем конфликт привносит в межпоколенческие отношения натянутость, напряженность. Проблема «старшие – молодые», «родители – дети» не находится в эпицентре общественного сознания, но вызывает у многих беспокойство. Здесь наметилась непривычная для чеченского общества поляризация возрастных когорт, на разных полюсах отмечается внутривоколенческая солидаризация на почве своего понимания ценностно-нормативного стандарта и образа жизни.

В экспертных оценках и все чаще в общественном мнении фиксируется, что престиж человека в чеченском обществе определяется не культурным статусом, а материальным достатком, занимаемой должностью. Это воспринимается некоторыми как падение общей культуры, деформация системы этнокультурных ценностей, хотя данный фактор может служить в перспективе условием формирования современного гражданского сознания и становления новых гражданских норм.

Итак, оптимальным вектором развития этнической и социальной идентичности могло бы стать гармоничное сочетание культурной и социальной иерархии, предполагающей согласованность социальных изменений и мобильности с принципами и нормами равенства в сфере общения.

В российских социологических опросах фиксируется превалирование местной территориальной идентификации над другими, более масштабными пространственными идентификациями. Это выражено особенно на Кавказе. На рис. 1 отражены данные территориальной самоидентификации чеченцев⁴.

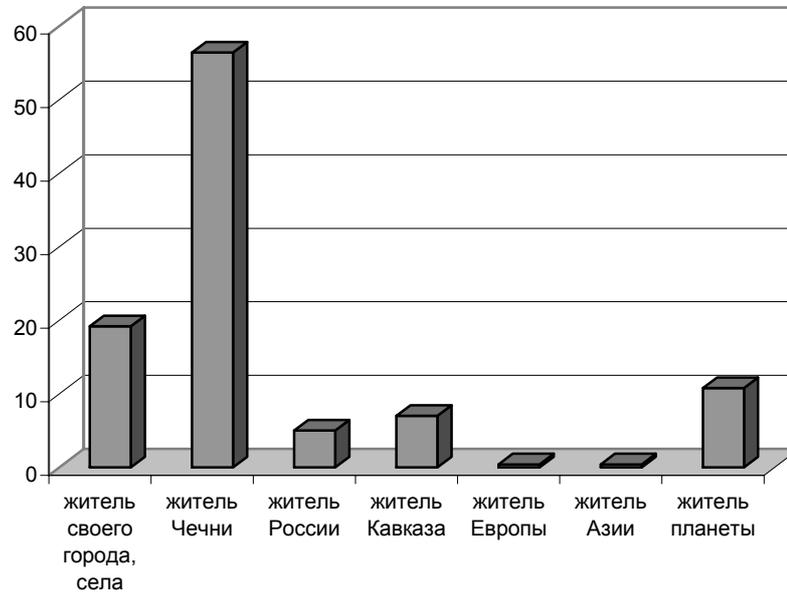

Рис. 1. Территориальная идентификация, %

С территориальной идентификацией связано эмоциональное, духовное отношение человека к земле предков. В рис. 2 приводятся представления о Родине⁵.

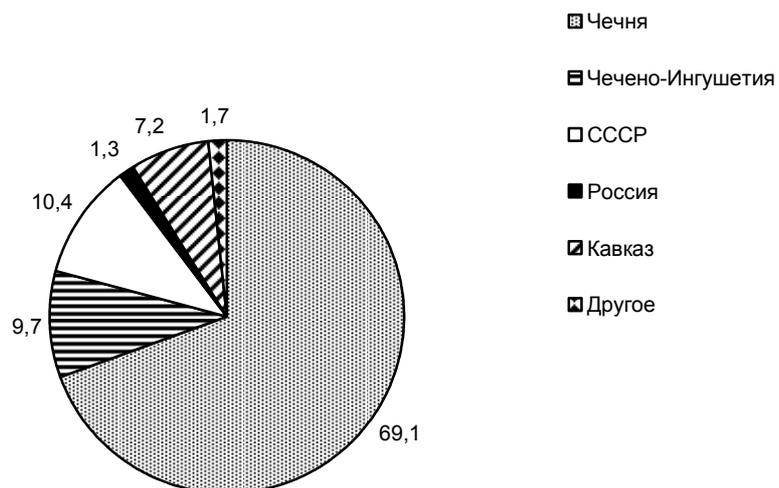

Рис. 2. Представления о Родине, %

Столь низкий процент восприятия России как Родины можно объяснить высоким уровнем этнотерриториальной идентификации и трагическими последствиями вооруженного конфликта. Он актуализирует не позитивный, а отрицательный опыт сосуществования в составе России. Вместе с тем многие сознают свое российское гражданство, но рассматривают его как формальное, не гарантирующее соблюдение государством гражданских прав и свобод. Поэтому не удивительно, что среди опрошенных чеченцев очень гордятся своим российским гражданством – 2,9%, гордятся – 15,4%, а не очень гордятся и совсем не гордятся – 64%⁶. Формирование у населения Чечни чувства принадлежности к гражданской общности РФ напрямую будет зависеть от нахождения оптимальной формы чечено-российской интеграции в области политической и экономической жизни.

Определенное количество опрошенных идентифицирует себя с Кавказом. Некоторые авторы высказываются против рассмотрения Кавказа как целостного образования. Они выражают сомнение в правомерности использования понятий «кавказская цивилизация», «кавказская социокультурная система». Не развивая эту дискуссию, хотелось бы обратить внимание на существование многовековых представлений о культурной кавказской колыбели и кавказской идентичности. Какие же признаки определяют кавказскую идентичность в условиях существования религиозных и языковых различий? Конечно, многие языки родственные, они образуют кавказско-иберийскую группу. Однако в качестве основных показателей определения кавказской идентичности следует выделить два компонента: это эмоционально переживаемая природно-географическая среда и социально-культурная система ценностей. Она отражает общность этических, социальных ценностей, правовой культуры и в известной степени практики политической самоорганизации.

В настоящем существующие конфликты порождают противоречивые взгляды на перспективу развития Кавказа. Например, на Северном Кавказе по соседству находятся 6 республик в составе РФ. Они разъединены в последние годы блокпостами и контрольными пунктами. Прерваны горизонтальные экономические связи, за исключением сферы индивидуального и мелкого бизнеса, ограничены до минимума культурные контакты. Все это сдерживает процесс развития кавказских народов на своей социокультурной основе, активного включения их в экономическое и общественно-политическое взаимодействие в пределах российского, европейского и мирового сообщества.

Кавказ, как и другие регионы, находится на пересечении культур Запада и Востока. На уровне обыденного сознания трудно выявить сходство и различие своей культуры с другими культурами. По данным социологического опроса, чеченцы определяют близость одной культуры с другой, как и свою культуру, по следующим признакам: обычаи, язык, религия. Так, считают, что они очень и довольно близки по культуре с народами Кавказа – 94,9%, с русским народом – 11,3%, с народами Европы – 17,2%, с народами Востока – 12,1%⁷.

Мнение о незначительной близости чеченцев и русских скорее зиждется на представлениях о разнотипности культур и образа жизни этих народов. Между тем базисные, глубинные ценности, характеризующие социокультурную общность народов России, не всегда явно выражены в повседневной жизни. К числу таких ценностей можно отнести коллективизм, «общинность», взаимопомощь и такую особенность правосознания, как превалирование понятия справедливости над нормой, законом. Эти и другие ценности, определяющие общую пространственно-культурную идентичность, обусловлены, во-первых, своеобразием историко-культурного развития народов России, во-вторых, длительным сосуществованием в рамках одного государства. Историческое сочетание этих двух факторов способствовало складыванию различным образом выраженной этнической идентичности. Ряд авторов выделяют 7 основных типов этнической идентичности: нормальную, этноцентрическую, этнодоминирующую и другие [5]. Конечно, эта типологизация условная, трудно встретить чистый тип этнической идентичности. В условиях доминирования крупного этноса в языковой, культурной, политической сферах жизни протекают процессы формирования «иноэтнических» черт у представителей малых этнических групп. Другими словами, наблюдается складывание смешанного типа идентичности, сочетающей в себе черты российско-русской и «своей» родной этнической идентичности.

Отдельные аналитики подчеркивают закрытость чеченского общества. Это относится скорее лишь одной сфере жизни. Например, могли бы позволить своей дочери, сестре выйти замуж за человека другой национальности – 6,8% опрошенных чеченцев, нет – 89%⁸. Такую позицию можно объяснить «инстинктом» этнокультурного самосохранения. Он сформировался по причине периодически происходящих потерь в последние столетия. В то же время во многих сферах социальной жизни проявляется открытость, потребность заимствования опыта в области экономики, организации производства, управления, искусства. Об ориентации значительной части населения на культурные перемены свидетельствуют показатели рис. 3.

Вряд ли оправданно строго разграничивать народы, как принадлежащие к западной или восточной культуре, особенно в переходных обществах. В одних сферах жизнедеятельности и по одним ценностям они могут быть близки к восточной, а по другим – к западной культуре. Так, народы Кавказа, исповедующие ислам, по религиозным ценностям имеют духовную общность с народами Востока. Вместе с тем по другим чертам они ближе к западной культуре. Это социальные ценности – свобода, равенство, справедливость. Им также свойственна приверженность принципу самостоятельности, децентрализованности в политическом управлении, поощрения индивидуальной инициативы и ответственности.

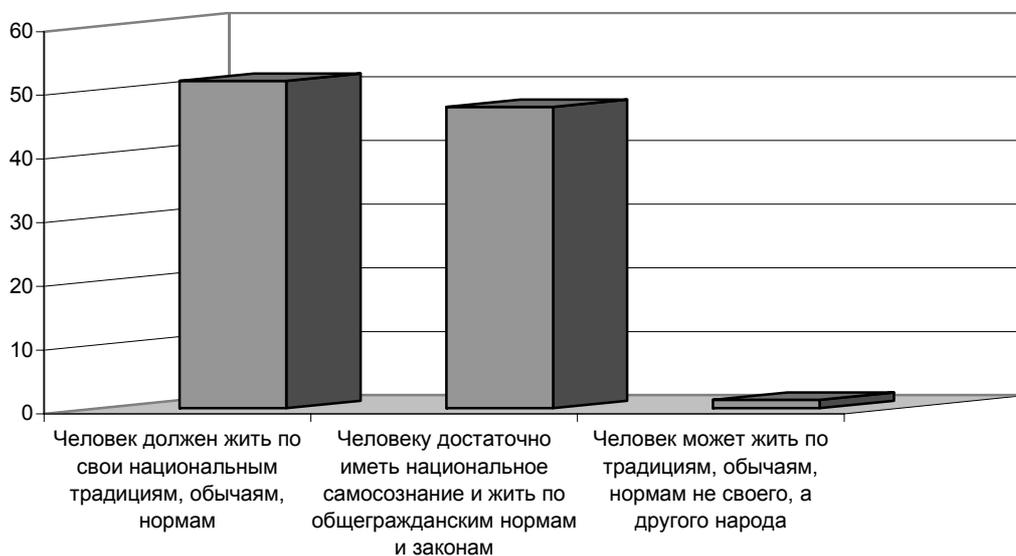

Рис. 3. Взгляды на образ жизни, %

При этом соотношение индивидуализма и коллективизма неодинаковое в разных сферах жизни. Так, коллективизм, солидарность наглядно проявились в период вооруженного конфликта. Большинство опрошенных отметили, что им помогли выжить поддержка родственников, солидарность общности населенного пункта, гуманитарная помощь. Противоречивые тенденции переходного периода часто способствуют проявлению индивидуализма не как свободы выбора, а как удовлетворения индивидуальных и групповых интересов. По мере установления социального порядка неизбежен рост интереса к современному опыту социальной и политической самоорганизации, развитию гражданских институтов.

Выводы

Идентификация зависит от этнокультурной, конфессиональной принадлежности индивида, степени включенности его в различные ячейки социальной структуры. Этнокультурная и этнотерриториальная идентичность в кавказском регионе, во всяком случае в Чечне, выражена сильнее гражданской и российской идентичности. Сбалансированное сочетание общероссийских и региональных тенденций социокультурного развития не обедняет, а обогащает этническую идентичность, делает ее многогранной, способной к более полной реализации творческого и жизненного потенциала.

Примечания

1. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060 чел.

2. Данные социологического исследования «Интересы разных национальных групп занятого населения», проведенного в Грозном в 1991г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1575 чел.
3. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060 чел.
4. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060 чел.
5. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060 чел.
6. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060 чел.
7. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060чел.
8. Данные социологического исследования «Интересы, нормы, ценности», проведенного в Грозном в 2003г. Объем репрезентативной квотной выборки – 1060чел.

Библиографический список

1. Социология межэтнической толерантности / отв.ред. Л.М. Дробижева. -М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.
2. Шнирельман, В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.
3. Тишков, В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В.А. Тишков – М.: Наука, 2001. – 552 с.
4. Мухаметшина, Н.С. Трансформация национализма и «символьная элита»: российский опыт / Н.С. Мухаметшина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 292 с.
5. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М., 1999.

М.М. Yusupov

ETHNIC AND SOCIAL IDENTIFICATION IN CONFLICTED REGION

In the paper features of ethnic and social identity are examined on an example of the Chechen Republic. Its basic signs are allocated, the ratio of ethnic and religious, ethno cultural and social identity is exposed. The comparative analysis of sociological parameters of social self-identification of Chechens and Russians in 1991 and 2003, in pre-conflicted and in conflicted situation is given. The conclusion about historico-cultural and social conditionality, variability of ethnic identity is made.